

Галактион

ТАБИДЗЕ

Один из ведущих грузинских поэтов XX века, он оказал огромное влияние на все последующие поколения идущих за ним авторов. Переживший политические чистки 1930-х годов, Галактион Табидзе оказался в послесталинское время под неослабным давлением властей, что привело его к депрессии и самоубийству. Стихи поэта переводились на русский язык такими известными мастерами слова, как П.Антокольский, А.Межиров, Н.Гребнев, В.Алейников, Б.Ахмадулина, И.Дадашидзе, О.Ивинская, Б.Лившиц, В.Леонич и другими. Но в том и заключается неискраемая глубина настоящей поэзии, что всякое новое время открывает возможность её нового прочтения и, соответственно, переводов, давая новую жизнь и встречу с новыми поколениями ценителей поэтического слова.

Кухетинская луна
В чёрном небе проспались звёзды,
стали тени длинные и бледные.
И сквозь тучи, деревья и гнёзда
проступила берлога луны.
Мы шагали тропой. Сердце стыло,
словно пепел в погасшей печи.
Ты как будто совсем позабыла,
что вчера было с нами в ночи...
Так вошла в меня первая тема,
первым чувством коснувшись груди.
Память всё сохраняет. Но немю
ограждает от бурь впереди.
Жизнь — как море, где плещутся дети.
Миг прошёл — изменилась она.
Вот — луна, что в Кухетии светит.
А в Тбилиси — другая луна...

Старое вино
Хлебни вина — пусть кровь бежит скорей,
пусть с каждой чашей
сердце вспомнит сладость
янтарных гроздей, в утренней заре
сиявших так, что в сердце зрела радость.

Пусть завтра утром память говорит,
что прошлый вечер

И идут сквозь вечерние тени
мальчик с сумкой, теленок и пёс...

Бумага
Бумага бела,
точно поле в снегу,
сухоу позыёмкой шуршит
и тревожит.
Уверена:
«Я всё на свете могу!» —
и мысли по миру
разносит и множит.

Сдержанным Указом —
бумага сильна,
с посланьем от друга —
бумага любезна.
Но просто бумага —
пушта и бедна,
и, в общем-то,
мало кому-то полезна.

Но как-то
пришёл на планету поэт
с талантом в душе
и упорством усердным,
и витязь в тигровой одежде

Ну, а твои глаза мне — будто дверь,
что в сад любви ведёт... о, Вероника!

В кафе
Я не забуду этот взгляд в кафе —
словно истлевший пепел сигареты;
лицо без крови, цвета галифе,
и на лице — безволия приметы.

Вдоль стен, как рифмы,
встали розы в ряд,
зал наполняя свежестью природы.
Он не выносит их.

И мутный взгляд —
на свой стакан со злостью переводит.
Бегут, как слёзы, капли по стеклу.
Я вспоминаю вёрсты и дороги —
те, по которым я шагал сквозь мглу,
спеша от смертной убежать тревоги.

Уйди, оставь, покинь меня, печаль!..
Поэтов — тьма.
Но вы не всем им верьте.
Они уйдут — кому их будет жаль,
всю жизнь стоявших
в очереди к смерти?

Эдгар
Мы к храму шли вдвоём и думали о Боге.
Был вечер. Вдалеке — плыл колокола звон.
Ленора, помнишь ли, как ветер у дороги,
рыдая, ветки гнул? Как пел и плакал он?

Душе хотелось ввысь
на крыльях бесшабашных
взлететь с тобой вдвоём в ту синь,
что режет глаз.

Но кто-то третий вдруг,
уродливый и страшный,
плечом меня тесня, неожиданно встал меж нас.

Нам шёпот слышен был —
мол, это смерть их метит.
А ветер пел и пел о чём-то о своём
и — умирал в ветках, и тихо плакал ветер...
И, слыша этот плач, мы к храму шли трюём.

Хоть ты, любимая, смолчи...
Пушайк ругает вся страна,
мне важно, чтобы в этом хоре
хоть ты, любимая, одна
жила, жестоких слов не вторя.
Ведь ты и Каина щадишь,
когда он в звании поэта...

«О, дай мне Бог пройти сквозь эти вьюги...»

Снег
Я снег люблю, что чист и непродражен
и льётся синим светом из горстей.
Он девственен. Он холоден и влажен.
И не знаком с кипением страстей.
Моя любовь! Я полон этим снегом!
Мне не замедлить дней летящих бег.
Я мало znalся с жизненным успехом,
и за спиной — только синий снег.
Да, в моей жизни лето —
гость не частый,
январь мне — брат, мороз —
мой лучший друг.
Ну как забыть мне этот
символ счастья —
из пары тонких белоснежных рук?
Моя любовь! От боли сердце стынет,
когда метели поднимают вой,
и твой платок в завьюженной пустыне
летит и тает в пляске снеговой.
Мне сладок лёт фиалковых снежинок,
голубовато-нежных, как цветы,
что с высоты летят неустрашимо

и убегают горы и мосты.
Всё гуще снег... Он мне дарует зримо
знак благодати, чтобы верил я,
что проживу ещё и эту зиму
и не преврётся нить судьбы моя.
Играя в прятки, прячет путь пороша.
Нет ни души вокруг, лишь я и даль.
Я так люблю снега!
(Как в нашем прошлом —
в твоём молчанье тайную печаль.)
О, как меня пьянили переливы
снегов хрустальных в белом свете дня,
где волосы твои, как ветви ивы,
метались в ветре, душу мне дразня!
Я так мечтаю вновь в те дни вернуться
(так нищий жаждет обрести порог).
Но лишь деревья, что от снега гнутся,
стоят рядами вдоль моих дорог.
Вновь синий снег идёт по всей округе
и благодатью полнит воздух дня.
О, дай мне Бог пройти
сквозь эти вьюги,
и чтобы ветер — не отпел меня!..

не прошёл безгрешно,
пусть совесть ноет и огнём горит
из-за поступков и речей поспешных.
Кто пьёт без меры — тот всегда в долгах
и оплатит счета свои не может.
Коль он стоять не в силах на ногах,
как он в беде друзьям своим поможет?..
Из окна поезда
...Вот и почта со спиленным, как мачта,
и, держа за верёвку телка,
смотрит в небо мечтательно мальчик,
где, как письма, плывут облака.
Рядом — станция. И на поляне,
добреда из окрестных дворов,
скорый поезд встречают селяне,
будто гостя из дальних миров.
Где-то слышится сладкое пенье,
приглушённое стуком колёс.

на свет
был явлен с бумаги...
И век — стал бессмертным.
В плену красоты
Её увидишь — потеряешь речь.
(Таких красавиц
Бог не часто лепит!)
Скользнув с точёных,
белоснежных плеч,
лёт пеньюару ног её, как лебедь.
Свежа, как снег,
чиста, словно родник,
точно сосуд,
полна страстей кипящих,
я не забуду черт её родных —
ни дуг бровей,
ни чёрных кос блестящих.
Что мне другие женщины теперь? —
Душа, их вида, не изронит вскрика.

**К дому,
который
только предстоит
построить**
Я не отшельник, нет,
и над крутой горой,
где лишь небесный свет,
тебя я — не построю.
Мне хочется, чтоб ты
стоял не одиноко.
И чтоб не жгли цветы
ветра, летя с востока.
Не внемля пустякам,
мы жить отныне будем,
свераясь по стихам,
как можно ближе к людям.
Я же не отшельник, нет,
и над крутой горой,
где лишь небесный свет,
тебя я — не построю...

Чу! Солнце в траурную тишь
садится, отпевая лето.
Прими же книгу эту. Год
я сочинял её без спешки.
Так пусть её не обожжёт
язвляющий яд твоей усмешки.
Сколько лет ни прошло
Время режется в нарды, швыряя на доску года.
А вокруг отцветают цветы — и опять зацветают.
Ну, а я — всё такой же. И буду таким я всегда.
Сколько лет ни прошло —
а меня в каждом веке узнают.
Схлынут годы былые,
как с гор после ливня вода.
От ветров и дождей
станет сумрачным храм наш Сиони.
Но единственным в мире — как край,
что нам дан навсегда,
моё имя останется в вечности — Галактиони...
Перевёл с грузинского Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«Нет дороги у родного края...»

Точка возврата
И.Е.
А небо было сизое, стальное,
и нас в полёте двое, только двое.
Два турмана, отбившихся от стаи,
рассвет, огни в кварталах исчезают.
Два турмана
случайной ранней встречи,
два штурмана высокой чистой речи.
Земная твердь, небесные потоки,
мы — над, мы — под,
мы исчисляем сроки.
Земля внизу согрета и воспета.
Дома, проспекты — вертится планета,
а там вверху —
свинцовый диск и звёзды,
ещё есть время, повернуть не поздно.
Ты видишь, как редает атмосфера,
там вакуумные вихри люцифера,
и только расцепленные частицы,
а мы — всего лишь две земные птицы.
Слова и силы исчезают, тают —
ни ангелов, ни очертаний рая,
и всё земное стало бесполезно.
Господь, ты видишь,
мы летим над бездной!

Вновь апрель. Всё тот же тротуар,
и вороний суетный базар,
и синицы нет в моих руках,
и журавль, как прежде, в облаках.

Вся округа у родного дома
битым поуесяна стеклом.
Редкий куст среди металлолома
в сквере, боязливым и пустом.
Поспешишь упругим,
бодрым шагом,
оборвёшь подошвы и пальто.
Тощие, голодные дворняжки
лают на блестящие авто.
Вечер. Звёзды на небе путанят,
месяц — расторопный сутенёр,
Нос разбит в любой районной яме
ничего не стоит до сих пор.
В кураже, по кочкам спотыкаясь,
прёт куда-то дружная толпа.
Нет дороги у родного края,
только одинокая тропа.

Рискованный, хваткий и ловкий,
я, словно азартный гусар,
распорядился находкой —
поставил на кон этот дар.
Мелькала, кружила рулетка
с зеленым, маховым сукном.
Я ставил спокойно и метко
за круглым игральным столом.
И голос заплечный, утробный,
толкая под локоть, гласил:
Ещё раз, ещё раз попробуй,
до жизни пустынной, загробной
и времени мало, и сил.
И цифры мне были послушны,
к ногам прибавлялись нули.
И воды, и горы, и суши —
всё сыпалось в сети мои.
Рукою, как тварью дрожащей,
я финики сжинаю в горсти.
И ставлю всё чаще и чаще,
а больше куда их нести?

А ветер веет, он такой студёный,
хмельной с утра,
как вся Россия, —
здесь все хмельны,
здесь записан бы мессия...
А к вечеру ещё бледей округа,
желта листва на деревьях,
и вьюга
сдирает сучья с онемевших веток,
и среди сучьев
обнажаются
просветы.
Переводы славянских поэтов
Гане ТОДОРОВСКИЙ
Цикламен
(В последней квартире Пушкина,
Ленинград, Набережная Мойки, 12)
Мы впервые попали на место дуэли,
тут убила — Дантес — метил в сердце поэта.
Осень. Листья с деревьев не все облетели,
а снега всё одели белым — траурным цветом.
Рабатишки у ног монумента шумели,
здесь легенда у жизни взяла эстафету.
А когда мы пришли на квартиру поэта,
там, где силы его навсегда покидали,
нам казалось, что даже застыли предметы,
и картины, и книги в извечной печали.
Всё сейчас, как тогда, — и обои, и стены,
возле окон в горшках зацвели цикламены.

Сергей

Известный поэт и переводчик, почётный член Союза писателей
Македонии, Сербии, Черногории, лауреат Большой
литературной премии России, автор проекта антологий поэзии
славянских народов «Из века в век», заслуженный деятель
искусств Польши.

И свою тёплую кровь
Слижет с холодного лезвия.
И не сможет остановиться,
пока не шлётся в крови.
Разбужший от собственной крови.

Если таковы волки,
Которых очень тяжело поймать,
Каковы же тогда люди,
Да и целые народы,
А тем более наш,
Который собственной кровью
Не может насытиться?
И он скорее исчезнет,
Чем его осенит,
Что кровавый кинжал
Останется
Единственным
Памятником
И крестом
Над нами.

Вукман ОТАШЕВИЧ
Елена — женщина, которая есть
Герцез Новый
Когда по округе лютует зима,
Елена, будь рядом — ты так мне нужна,
Ты есть! Пусть тоска,
как петлёт, обвивает,
Но ты улыбаешься, и грусть отступает.

Ты есть! И в ночной
нескончаемый мрак,
Мне свет твоих глаз — путеводный маяк.
Ты есть! И пусть бури бушуют на море,
Но разве с тобою убьёт меня горе?
От самой Превлаки¹ и до Петрограда
Сияние улыбки твоей мне награда.
Когда по округе лютует зима,
Елена, будь рядом — ты так мне нужна.
Сречко КОСОВЕЛ
Размышление
Деревня на Красе стихает
в туманной осенней мгле,
лишь редкие искры мерцают
в густой непроглядной тьме.
Свой вечный покой храня,
стоит деревенька моя,
и все собрались у огня,
вот так бы с нами и я
сидел и сидел у костра,
секой упираясь в ладонь,
молчал и молчал до утра
и слушал, что шепчет огонь.
¹Превлака — местечко на окраине Черногории.